

ОНИ ПРЕДОТВРАТИЛИ КАТАСТРОФУ
МИРОВОГО МАСШТАБА

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

РАЙОН
«ЗЕРО»

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Район «Зеро»

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Район «Зеро» / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2020 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-115476-9

Начало 1970-х гг. В одном из областных центров под видом сельскохозяйственной базы строится военный склад для хранения биологического оружия. Работы ведутся скрытно, поскольку официально такое оружие запрещено международным соглашением. Однако западным спецслужбам удается узнать об истинном назначении объекта. Они готовят диверсию, чтобы разоблачить замысел «советов». Противостоит американцам группа спецназа КГБ «Дон» майора Семенова. Бойцы уже готовы преподнести противнику ответный сюрприз, когда становится известно, что у диверсантов на нашей стороне есть тайные и очень влиятельные помощники...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115476-9

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Александрович Тамоников

Район «Зеро»

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

С утра четверга, 23 апреля, над центром Переславской области зарядил не по-весеннему нудный, мелкий дождь. Еще вчера светило теплое солнце, в парках молодые мамы прогуливали своих чад, а сегодня город словно вымер. На улицы выходили только те люди, которым это было необходимо.

В кабинете секретаря Переславского обкома КПСС находились начальник УВД комиссар милиции 3-го ранга Сергей Николаевич Савушкин, руководитель управления КГБ полковник госбезопасности Лысенко Александр Тарасович, первый секретарь Верховного райкома КПСС Виктор Кузьмич Горенков и сам хозяин кабинета Петр Тимофеевич Макаров.

Секретарь обкома подошел к окну, развернул портьеры, посмотрел на улицу Ленина. На ней редкие легковые автомобили. Несколько человек на остановке общественного транспорта сложили зонтики и входили в троллейбус. Случайных прохожих можно сосчитать по пальцам рук. Мотоцикл «Урал» с коляской милицейского наряда у перекрестка. Патрульные, несмотря на дождь, смотрят на выход с площади имени вождя мирового пролетариата.

Секретарь отошел от окна, сел в свое кресло у рабочего стола, достал пачку «Казбека», закурил.

Его примеру последовали Горенков и комиссар милиции. Начальник управления КГБ открыл форточки.

Первый секретарь райкома посмотрел на часы:

– Десять тридцать, товарищи, а совещание назначено на десять. Что-то немного запаздывает представитель центрального аппарата КГБ.

Комиссар милиции усмехнулся и заявил:

– Это у них, я имею в виду офицеров Конторы, Виктор Кузьмич, стало в порядке вещей. Как же! Ведь государственная безопасность на них. А остальные органы так себе.

Все прекрасно знали о растущем противостоянии между МВД и КГБ и не удивились реплике главного милиционера области.

Но полковник госбезопасности Лысенко ответил на это:

– Вы сами на себя посмотрите, уважаемый товарищ Савушкин. Если с государственной безопасностью в области порядок, то преступники у нас чувствуют себя более чем спокойно. Не желаете, комиссар, поделиться информацией, сколько преступлений было совершено в Переславе за последние сутки?

Секретарь обкома не дал разгореться конфликту:

– Прекратите, товарищи. Мы все служим одному делу. Эти нападки друга на друга ни к чему.

Комиссар смял окурок в цветочном горшке, сел на диван. Лысенко и Горенков устроились рядом, в креслах.

Раздался звонок телефона внутренней связи.

Макаров довольно резко ответил:

– Слушаю! – Он тут же изменил тон: – Доброе утро, Дмитрий Александрович. Нет, пока не было, ждем. Да-да, конечно. Хорошо, буду признателен. Макаров положил трубку. – Первый звонил, спросил, прибыли ли офицеры центрального аппарата КГБ. Услышав ответ, обещал позвонить в Москву.

Комиссар милиции проговорил:

– Больше заняться нечем Дмитрию Александровичу, как звонить в Контору.

– Я же просил!.. – Секретарь обкома сморщился.

Вдруг сработал сигналом связи телефон внутренней связи.

На этот раз звонил его помощник Щукин:

– Петр Тимофеевич, охрана доложила, что прибыла «Волга» комитета.

– Ну и хорошо. Ты смотри, Боря, встретить как положено.

– Конечно, Петр Тимофеевич, не беспокойтесь.

– И сразу гостей ко мне!

– Да, Петр Тимофеевич.

Секретарь положил трубку и сказал:

– Прибыли гости.

– Наконец-то, – заявил комиссар милиции, демонстративно достал сигарету и прикурил. Макаров только покачал головой.

Вскоре в кабинет вошли двое мужчин лет под сорок в штатской одежде, которая не могла скрыть военную выправку:

– Здравствуйте, товарищи, – сказал один из них. – Извините за задержку. Перед выездом нас вызвал начальник управления. Разрешите представиться, начальник первого режимно-секретного отдела Оперативно-технического управления КГБ полковник Давыдов Вячеслав Николаевич. Со мной подполковник Яковлев Александр Михайлович.

Секретарь не успел произнести ни слова, как Давыдов повернулся к Савушкину:

– Вас, товарищ комиссар милиции третьего ранга, попрошу затушить папиросу и далее во время совместной работы воздержаться от курения в служебных помещениях.

– Вы вправе указывать мне, полковник? – с усмешкой осведомился комиссар.

– Да, – ответил Давыдов и добавил: – Вы совсем скоро будете иметь возможность убедиться в этом. Уберите папиросу.

Савушкин хмыкнул, но затушил окурочек.

– Извините, товарищ полковник, но здесь мой кабинет, – проговорил секретарь обкома.

– На него никто не посягает. Представьте, пожалуйста, всех, кроме, естественно, начальника управления КГБ.

– Да, конечно. Комиссар милиции... – Секретарь обкома представил присутствующих.

После этого Давыдов сказал:

– Чтобы в дальнейшем не возникло недоразумений и недопонимания, ознакомьтесь вот с этим. – Полковник передал Макарову лист бумаги. – Прошу озвучить документ.

Секретарь прочитал текст, поднял глаза, осмотрел кабинет:

– Это, товарищи, распоряжение члена Политбюро секретаря ЦК КПСС Павла Георгиевича Зинченко. В нем руководству области предписано оказывать всяческую помощь и поддержку товарищам Давыдову и Яковлеву вплоть до неукоснительного исполнения их прямых указаний.

Давыдов взглянул на комиссара милиции:

– У вас есть ко мне вопросы, товарищ Савушкин?

– Ну, если в Политбюро... извините, у меня нет вопросов.

– Прекрасно, прошу всех за стол совещаний. – Начальник первого отдела занял место секретаря за большим столом.

Яковлев устроился справа от него. Хозяину кабинета пришлось присесть на стул слева. Остальные разместились далее, по обеим сторонам стола.

Давыдов взглянул на первого секретаря райкома и спросил:

– Что у вас, Виктор Кузьмич, по овощной базе?

– Во исполнение распоряжения обкома и облисполкома территория базы очищена, предприятие оптовой торговли переведено в другое место.

– Хорошо. Значит, территория свободна?

– Так точно, товарищ полковник госбезопасности!

– Может, вы, товарищ Давыдов, объясните, что означают данные действия? – спросил секретарь обкома.

Полковник улыбнулся:

– Конечно. Для этого мы и собрались, но перед тем, как объясниться... – Он взглянул на Яковлева. – Документы, Александр Михайлович.

Подполковник достал из папки стандартные листы с текстом и печатями, положил их перед местными руководителями.

– Что это? – спросил комиссар милиции и недовольно поморщился.

– Ничего особенного, товарищ Савушкин, обычная формальность, подписка о неразглашении государственной тайны.

– Что? – воскликнул комиссар.

Давыдов улыбнулся:

– Повторяю, простая формальность.

– Но все люди, присутствующие здесь, имеют доступ к совершенно секретным документам. Какая еще может быть подписка? Не перебарщиваете ли вы, товарищ полковник? Это ведь уму непостижимо.

– Я понимал, что именно таковой будет ваша реакция, однако вам придется подписать эти документы. В противном случае это сделают другие люди, которые сменят вас независимо от того, какую должность вы занимаете, в том числе и партийную. Дабы убедиться в серьезности и секретности мероприятий, о которых идет речь, я советую вам, товарищ секретарь обкома, связаться непосредственно с секретарем ЦК Зинченко, комиссару милиции – с министром, ну а для полковника Лысенко достаточно и моих слов.

Секретарь обкома поднялся:

– И свяжусь. Такого еще не было, чтобы комитет диктовал условия партийным органам.

– Свяжитесь, Петр Тимофеевич, время терпит.

Вместе с секретарем к столу с телефонами подошел и начальник УВД.

Макаров набрал номер из трех цифр. Это значило, что звонил он абоненту, находящемуся в этом же здании.

– Дмитрий Александрович, если позволите, один вопрос. Здесь... – Макаров довел до первого секретаря обкома требование полковника КГБ, выслушал ответ, взглянул на Савушкина и спросил: – Вы звонить будете?

– А что сказал товарищ Столяров?

– Мы обязаны подчиниться полковнику Давыдову. Вопрос этот согласован и решен на самом высоком уровне. Так будете?

– Нет.

Секретарь и комиссар вернулись за стол, ознакомились с документами, подписали их. Лысенко с Горенковым сделали то же самое. Подполковник Яковлев убрал бумаги в папку.

Давыдов кивнул и заявил:

– Теперь, товарищи, вы знаете, что вас ждет в случае утечки информации по настоящему делу.

– Может, вместо того чтобы угрожать, перейдем к сути вопроса? – спросил Савушкин.

– Да, конечно. А суть вопроса в том, что в Кремле принято решение об обустройстве в поселке Верховск секретного объекта ноль-ноль-два, конкретно – складов биологического оружия. Это и авиационные бомбы, и головки ракет, и мины, снаряды.

В кабинете наступила гнетущая тишина. Этого не ожидал никто, даже начальник областного управления КГБ.

Всем было известно, что государства, имеющие биологическое оружие, в результате переговоров под эгидой ООН приняли решение о его ликвидации. В скором времени эти мероприятия должны были начаться, и вдруг склад с биологическим оружием. И где? Непосредственно в населенном пункте, довольно крупном, расположенном в каких-то пятидесяти километрах от областного центра и двухстах пятидесяти от Москвы.

Секретарь обкома первым пришел в себя:

– Признаюсь, товарищ полковник, я изрядно удивлен. Как же насчет обязательств Советского правительства уничтожить биологическое оружие?

– Это оружие, Петр Тимофеевич, было бы уничтожено, если бы то же самое сделали и США. Вашингтон подписал все необходимые документы, но не намерен исполнять их. Вам говорят о чем-нибудь такие названия: бактериологический центр армии США Форт-Детрик в штате Мэриленд, институт медицинских исследований в Пуэрто-Рико?

– Нет, откуда?

– Так вот, американцы выставляют на уничтожение обычные боеприпасы и заявляют, что на испытательном полигоне в пустыне Юта будет утилизировано биологическое оружие. Это подтвержденная информация нашей разведки. В то же время и в центре Форт-Детрик, и в Пуэрто-Рико их специалисты продолжают работу над созданием более совершенных образцов. Одновременно в Юте готовятся хранилища уже имеющихся боеприпасов. В гораздо большем количестве, чем у нас. Так что действия Москвы носят характер зеркального ответа. США сохраняют биологическое оружие, мы поступаем точно так же. Советский Союз готов к исполнению взятых на себя обязательств, но только вместе со Штатами. Теперь насчет районного центра, близости к Переславу и Москве. Сами по себе боеприпасы не несут никакой угрозы. Тем более что храниться они будут в контейнерах, в специальном бетонном бункере на глубине до десяти метров. К работам привлекается отдельная военно-строительная рота. Дабы среди населения не возникли ненужные разговоры, объект будет замаскирован под предприятие по производству и проверке контрольно-измерительных приборов. Для охраны планируется привлечь военизированную охрану райотдела милиции. Но это после того, как склад будет заполнен и начнет функционировать гражданское предприятие.

– Извините, товарищ полковник, что перебиваю, но хотелось бы знать, каким образом будут доставляться и разгружаться боеприпасы? – спросил первый секретарь райкома. – Ведь территория овощной базы, теперь уже бывшей, находится на окраине Верховска, подъехать к ней можно по поселку, улицы которого, что скрывать, находятся в плачевном состоянии, либо по Оке, протекающей в каких-то пятидесяти метрах.

– Об этом пока рано говорить, Виктор Кузьмич. Думаю, придется делать отдельный подъезд и ремонт всех остальных. У объекта должна быть разворотная площадка. Так что для вас, товарищ Горенков, размещение объекта в поселке будет благом. Мы хотя бы дороги по всему поселку приведем в надлежащее состояние.

Первый секретарь райкома вздохнул и сказал:

– Знаете, я предпочел бы, чтобы все оставалось как есть.

– Этого не будет, – заявил Давыдов. – После совещания мы с вами поедем в Верховск, на месте посмотрим готовность территории к началу строительства. Так же решим вопросы, которые не сможем закрыть здесь. Вам, товарищ комиссар милиции третьего ранга, необходимо усилить подразделение ведомственной охраны, дислоцированное в райцентре.

– А вот этого, товарищ полковник, мне не позволяет сделать штат управления.

– Данный вопрос будет решен.

– Тогда остается только найти подходящих людей.

Давыдов повернулся к начальнику управления КГБ:

– Вам, Александр Тарасович, с сегодняшнего дня выделить отделению в Верховске как минимум трех сотрудников с задачей обеспечения безопасности райцентра. Под каким соусом вы это представите, меня не касается, но поселок должен быть под полным контролем КГБ. – Давыдов улыбнулся и добавил: – И, естественно, нашей славной милиции. Дальнейшая задача будет определена позже. – Полковник КГБ перевел взгляд на секретаря обкома. – Ну а на вас, товарищ Макаров, совместно с товарищем Горенковым – общее руководство строительством объекта, обеспечение всем необходимым отдельной строительной роты, помощь органам

охраны правопорядка и контроль за средствами массовой информации. Ни в областных, ни в районной газетах, на радио, телевидении не должно быть никакой информации по объекту. У меня пока все, готов выслушать вопросы и по возможности ответить на них.

– Что хоть за гадость будет в боеприпасах? – спросил комиссар.

– Без комментариев, Сергей Николаевич. Это вас не касается.

– Хороший ответ, в стиле комитета.

– Делайте то, что вам определено, естественно, без ущерба для исполнения основных должностных обязанностей. Еще вопросы?

– Вы намерены доверить охрану секретного объекта военизированной охране, вооруженной карабинами, винтовками, револьверами? – спросил секретарь обкома.

– Вас это смущает?

– А вас нет?

– Нет. Потому как данный вопрос решался в ходе разработки плана организации хранилища. О безопасности склада можете не волноваться. Эта головная боль касается только меня и подполковника Яковлева, начальника объекта ноль-ноль-два. Еще вопросы есть?

Больше вопросов не было.

Давыдов открыл блокнот, сделал запись и проговорил:

– Последнее, товарищи. Начало работ по устройству хранилища запланировано на двадцать седьмое апреля, окончание – на девятнадцатое мая. Мы с вами не строительно-монтажное управление, поэтому график должен быть выдержан. Это так же на подполковнике Яковлеве, который будет осуществлять руководство военно-строительной ротой. Дальше по плану, который представлю по мере готовности хранилища. Предупреждаю, никто, повторяю, никто, кроме присутствующих здесь и первого секретаря обкома, не должен ничего знать об объекте. Хотел бы обойтись без предупреждения, все мы люди взрослые, при высоких должностях, но обязан. Не обессудьте. Совещание закончено. Все свободны. – Полковник посмотрел на секретаря райкома. – Это не касается товарища Горенкова, которого прошу подойти к моей машине во дворе и ждать там.

Комиссар поднялся и проговорил:

– Свободны. – Он усмехнулся. – Прямо как на коллегии министерства. Только там не ломают комедий. Скажу прямо, не было печали, черти накачали. До свидания, товарищ полковник государственной безопасности. – Сергей Николаевич кивнул Давыдову и вышел.

Следом за ним удалились полковник Лысенко и секретарь райкома Горенков.

Секретарь обкома неожиданно спросил у Давыдова:

– Вы не курите, Вячеслав Николаевич?

– Ну почему же, курю.

– Тогда...

– Тогда следует прекратить практику курения в кабинетах. У вас есть специальные места для этого.

– Понял.

– И еще, Петр Тимофеевич. Убедительно прошу максимально ответственно подойти к предстоящей работе. Не забывайте, что это обеспечение безопасности не только области, но и всего государства.

– Разумеется, Вячеслав Николаевич.

– В ближайшие дни мы скорее всего не увидимся. А вот подполковник Яковлев останется в Верховске. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы ему выделили временное благоустроенное жилье. Обязательно с телефоном.

– Да, конечно. Решим этот вопрос. Хочу спросить, если первый секретарь товарищ Столяров поинтересуется, о чем был разговор, я могу раскрыть ему его суть?

Давыдов улыбнулся:

– Товарищ Столяров ни о чем, касающемся объекта, вас не спросит.

– Ясно.

– До свидания, Петр Тимофеевич.

– До свидания, товарищ полковник.

Давыдов вышел из кабинета.

Секретарь обкома вызвал помощника:

– Боря, пройди во двор, посмотри, как разъедутся силовики.

– Да, Петр Тимофеевич, выхожу.

Дождавшись, пока уйдет помощник, секретарь обкома партии снял трубку городского телефона, набрал номер.

– Алло! – ответила супруга Маргарита Аркадьевна, работавшая бухгалтером во Дворце культуры железнодорожников.

Она могла бы сидеть дома и командовать прислугой, но не желала отличаться от подавляющего большинства остальных советских женщин.

– Это я, дорогая.

– Ты считаешь, я не узнаю голос собственного мужа?

– Нет, я так не считаю. Что у нас на ужин?

– Жаркое с гарниром, твой любимый эклер на десерт.

– Ты вот что, Рита, свари пельмени.

– Пельмени?

– Да, обычные пельмени.

– И когда ты придешь? Как всегда?

– Сегодня немного позже, около восьми.

– Хорошо. Будут тебе пельмени.

– Должен подойти твой начальник.

– Ревко? К нам?

– Да, он мне нужен и не спрашивай зачем. Целую, пока!

– Пока!

Секретарь повесил трубку, улыбнулся.

Макаров и его жена проживали в четырехкомнатной квартире обкомовского дома в центре города на улице Куприна. Их сын Вадим окончил МГИМО, защитил кандидатскую диссертацию и был направлен в советское посольство в Лондоне.

Две «Волги» в 13.20 заехали в районный центр. На посту ГАИ им отдал честь наряд. Машины встали у бывшей овощной базы, огороженной деревянным забором.

Полковник Давыдов, подполковник Яковлев и Горенков подошли к воротам. Никакой охраны тут не было. Ворота, как в старину, были закрыты деревянной доской на крюках.

Тут же подъехал «ГАЗ-69» председателя райисполкома Зубковой.

Она поприветствовала офицеров, хотя понятия не имела, в каком ведомстве они служат. Первый секретарь не стал их представлять.

– Ты, Галина Петровна, занимайся своими делами, – распорядился он. – Здесь я разберусь.

Женщина удивленно пожала плечами, посмотрела на неизвестных мужчин, села в «газик» и уехала.

– Строго вы общаетесь с людьми, Виктор Кузьмич, – сказал Яковлев.

– Им только дай волю!

– И кто эта замечательная женщина?

– Председатель исполкома. Почему вы назвали ее замечательной?

– Красивая, все на месте. Замужем?

– Нет.

- Что так? Вроде и не очень молодая.
- Почти сорок лет, но замужем не была. Уж что и почему, не знаю. Слухи, понятно, ходят, но я не обращаю внимания.
- Надежна эта Галина Петровна?
- Абсолютно. Вся в работе. Да вы прекрасно знаете, что кандидатов на такие должности проверяют и в обкоме, и ваши коллеги, причем тщательно. Случайного или неподходящего человека райсовет руководителем не изберет. Только по представлению партийных органов, согласованному с КГБ.
- Напрасно вы ее отправили.
- Первый секретарь с удивлением посмотрел на полковника КГБ:
- А что ей здесь делать? В исполкоме и в районе дел хватает.
- Обустройством подполковника Яковлева будете сами заниматься?
- Черт! Об этом не подумал. Но долго ли вызвать? Автомобиль оборудован радиотелефоном, да и из кабинета могу вызвать.
- Ладно, смотрим территорию.
- Яковлев снял доску, створки отворились. Внутри полный бардак, везде мусор, какие-то конструкции, металлические балки, ящики, рваный пожарный шланг у самых ворот.
- Первый секретарь кашлянул и проговорил:
- Извините. Времени не хватило навести здесь порядок, но я распоряжусь, местное автопредприятие выделит машины, стройуправление – людей, наведем порядок быстро.
- Ну зачем же людей от работы отрывать? Военно-строительная рота почистит территорию и построит объект.
- Как скажете. Места-то хватит?
- Полковник улыбнулся.
- Вы думаете, когда выбирали, где поставить склад, не думали об этом?
- Конечно. Извините, глупость спросил.
- Места хватит, а вот забор придется бетонный ставить, и повыше. Мы заезжали по улице Ленина?
- Так точно!
- А слева что за дорога?
- Это улица имени Двадцатого партсъезда. Если надо, я могу предоставить вам карту поселка и района.
- У нас все есть. Так, с территорией ясно. Военные строители здесь возведут временную казарму, технику и стройматериалы разместят. Им придется выбирать большое количество грунта. Куда его вывозить?
- С этим проблем нет. Позади бывшей базы тянется улица Окская, она выходит на Коммунарскую. От нее до Оки уголья колхоза «Верный путь». Он расположен на въезде в поселок.
- Видел стелу.
- Так вот, в шестьдесят восьмом году по распоряжению обкома у реки было устроено карьерное хозяйство. Городу нужен был песок для строительства. Карьер выкопали да бросили, когда взяли все, что могли. У нас там, извините, сейчас свалка. Я уже год хлопочу, чтобы этот карьер засыпали. Но пока бесполезно.
- Полковник улыбнулся и заявил:
- Вот видите! Говорю же, в том, что в Верховске будет секретный объект, есть и свои плюсы. Строители засыпят ваш карьер.
- Все вряд ли получится, но если половину, и то дело.
- Давайте пройдем на улицу Окскую.

Они обошли территорию, встали на улице, разбитой вдребезги. Непонятно было, клали ли здесь когда-то асфальт или отсыпали щебенку. В двадцати метрах грунтовка, за ней берег реки. Слева и справа сады, огороды во дворах частного сектора.

– Да, – проговорил Яковлев. – Вроде районный центр, поселок, река рядом, выезд к парому, а глухомань.

Первый секретарь кивнул и сказал:

– Да, вы правы, но тут всегда было тихое, малолюдное место. Как поставили паромную переправу, люди начали строиться, но продолжалось это недолго. А Ока? Вы видите, какой обрывистый берег? Ни искупаться, ни рыбу удочкой половить. Если только у парома, но там места мало. У нас есть и пляж, и зона отдыха, но с западной стороны. Летом люди расслабляются в основном там.

Полковник указал на правую дорогу и спросил:

– А это что за грунтовка?

Горенков вздохнул и ответил:

– Она ведет в село Баранино, расположенное в километре от райцентра. По ней люди и летом, и зимой нормально проезжают на машинах и даже и на мотоциклах. А вот на самой Окской, сами видите, можно не только подвеску оставить. А на ремонт денег нет.

– Отремонтим и Окскую, – сказал полковник. – Через поселок движение спецмашин, которые будут доставлять груз на объект, нежелательно. Поэтому используем объезды, а это улицы Коммунарская и Окская.

Горенков тут же напомнил:

– Вы обещали отремонтировать все дороги.

– Обещал, сделаем. Свердлова, Ленина и Двадцатого партсъезда точно, остальные посмотрим. У вас в поселке, насколько мне известно, стоит войсковая часть.

– Да, отдельный мотострелковый полк, но его на следующий год планируют перевести в соседний район. Военком говорил, полк войдет в состав дивизии. Впрочем, я ничего в этом не смыслю.

– И где дислоцируется полк?

– На северо-востоке поселка, у перехода улицы Кирова в Лесную.

– Понятно.

– Эта воинская часть имеет отношение к нашей работе по объекту? – поинтересовался Горенков.

– Нет, – ответил Давыдов. – Так, здесь все понятно. Теперь можно и отобедать. Где у вас столовая, Виктор Кузьмич?

– Какая столовая, Вячеслав Николаевич? У нас есть пара забегаловок и ресторан, который днем как столовая работает, но вы же мои гости. Так что прошу ко мне.

– К вам – это домой?

– Да. Я живу недалеко от площади Ленина, в переулке Павлика Морозова. Или же мы можем поехать в охотничий домик. Там баня, все удобства. Это за селом Баранино, в сосновом бору рядом с Окой. В домике любит останавливаться областное начальство. Я дам команду, и старший лесничий все быстро организует. А до того в райкоме подождем. У меня коньячок армянский есть. Да и незачем показываться народу. Сразу же слухи пойдут о том, что столичное начальство приезжало. А потом стройка начнется. Люди будут говорить, что вот вам и результат. Мол, не просто так первый секретарь с московскими гостями по району ездил.

Давыдов взглянул на Яковлева.

– В общем-то, товарищ Горенков прав, – сказал тот. – Преждевременно светиться в поселке нам не стоит.

Полковник принял решение и заявил:

– Хорошо, едем к вам домой. Никаких охотничьих домов, бань, коньяка, только обед. Одновременно решите вопрос с жильем для подполковника Яковлева. Вы же сможете это сделать из квартиры?

– Да, конечно.

– Надеюсь, мы вас не потесним?

– Ну что вы. У меня трехкомнатная квартира, живет мы вдвоем с женой. Сын у нас военный, сейчас в Академии Фрунзе учится.

– Это хорошо, правильно.

– Юрий, сын мой, срочную в Ростовской области отслужил, в мотострелковом полку, командиром отделения был. Я хотел, чтобы он учился в Москве на юриста, а Юрий подал рапорт в Омское общевойсковое училище. После него до командира батальона дослужился. Майор сейчас.

– Молодец. Выпустится как минимум начальником штаба или заместителем командира полка. А там и до генерала недалеко. Гордишься сыном?

– Горжусь. Но раз едем ко мне, то, может, проскочим до райкома? Вы там оставите свою машину, а до дома пешком пройдем.

– А что, возле дома «Волгу» оставить нельзя?

– Можно, конечно. Но я бы и свою машину оставил.

– Отправьте свою, поедem на нашей.

– Хорошо.

Одна «Волга» ушла к райкому, другая проехала до площади Ленина и свернула в переулок имени Павлика Морозова. Здесь находился единственный в поселке четырехэтажный трехподъездный дом, окруженный оградой, с милицейским постом у ворот.

Давыдов хмыкнул и проговорил:

– А вот ограду ставить не надо было. От кого отгораживаться? От людей, ради которых вы и работаете?

Первый секретарь улыбнулся:

– А вот это вопрос к вашим коллегам из районного КГБ по району. На постройке забора настоял капитан Борданов, начальник отделения.

– Понятно. – Полковник взглянул на Яковлева. – Ты, Саша, поговори с этим капитаном. Забор убрать. А то как бельмо на глазу. Только народ раздражает.

– Сделаю, Вячеслав Николаевич.

Давыдов остановил «Волгу» напротив среднего подъезда, не заезжая на стоянку за забором.

Тут же подбежал милиционер, увидел первого секретаря, отдал честь и спросил:

– Ворота открыть?

– Не надо, но за машиной смотри.

– Есть, товарищ первый секретарь райкома!

Горенков указал на подъезд:

– Прошу, товарищи, второй этаж, квартира двенадцать.

– Вот обрадуется ваша жена, Виктор Кузьмич.

– Она на работе, в исполкоме. Обед супруга готовит с утра, вместе с завтраком.

– Горничную не держите?

– Нет. Сами с руками.

– Это тоже правильно. Не забудьте решить вопрос с жильем Яковлева.

– Да, конечно.

Офицеры КГБ и секретарь района зашли в ухоженный, свежевыкрашенный подъезд. На площадке находились две квартиры.

Горенков открыл свою.

– Прошу, товарищи офицеры.

Сотрудники центрального аппарата КГБ зашли, разулись.

– Вы проходите, посмотрите, как живу, а я пока подогрею обед. Это не займет много времени.

Квартира оказалась на удивление скромной. Первый секретарь райкома мог позволить себе и обстановку побогаче. Но нет. В гостиной обычный складываемый диван с двумя креслами по сторонам, буфет, телевизор на тумбочке, круглый стол посреди комнаты на ковре, рядом радиоприемник на ножках, торшер в углу. С потолка свисала дешевая люстра, на окнах обычные шторы и тюль. В спальне на паласе кровать, у стены гардероб, тумбочки со светильниками, такие же занавески на окнах.

В кабинете стол с креслом и книжные шкафы по обеим стенам. Книг у Горенкова было много, причем разнообразных. Естественно, полное собрание сочинений В. И. Ленина, труды Маркса и Энгельса, но были и Агата Кристи, и Сименон, и Жюль Верн, и Конан Дойль, и Коллинз. На зеленом сукне стола лампа со стеклянным абажуром того же цвета, посередине два телефона.

Бросалась в глаза чистота квартиры. Нигде ни пылинки. Видно было, что супруга первого секретаря, да и он сам тщательно следили за этим.

Горенков быстро подогрел обед и спросил:

– В гостиной стол накрыть?

– Не стоит. На кухне места вполне достаточно, – ответил Давыдов.

Готовить жена Горенкова умела и, наверное, любила. Поели гости с аппетитом, от коньяка отказались, а вот кофе выпили с удовольствием.

После того как, к немалому удивлению офицеров, Виктор Кузьмич сам помыл посуду и аккуратно разложил ее по своим местам, мужчины закурили.

Хозяин квартиры открыл форточку и вдруг сказал:

– Извините, товарищи, совсем из головы вылетело жилище для товарища Яковлева. Одну минуту. – Он прошел в кабинет, вскоре вернулся и проговорил: – Есть два варианта, товарищи. Это дом на Коммунарке, где жил прежний председатель исполкома, и отдельный номер для высоких гостей, по сути дела квартира, в нашей районной гостинице «Победа». Она, кстати, недалеко от райкома.

Яковлев выбрал гостиницу.

– Хорошо. Я так и думал, что вы остановитесь на «Победе». Там и перекусить можно, и отдохнуть. Номер в торце второго этажа, отдельно от других. Так что никто мешать не будет. Да у нас в отличие от города гостиницы не забиты, номера есть всегда. – Первый секретарь повернулся к Яковлеву: – Мы с вами зайдем в исполком, Галина Петровна быстро все организует, и я проведу вас в гостиницу.

Подполковник кивнул:

– Хорошо.

Офицеры встали, и Давыдов сказал Яковлеву:

– Проводи меня, Саша.

Секретарь понял, что будет лишним, нашел повод задержаться в квартире.

У машины, отпустив патрульного сержанта, Давыдов сказал:

– Твоя задача, Саша, до начала работ присмотреться к руководству района, с помощью милиции проверить, кто из жителей привлекался, за что, в общем, провести тактическую разведку. Сходи на рынок, послушай разговоры.

– Я все понял, Вячеслав Николаевич.

– Особенно послушай, что будет говорить население относительно переноса овощной базы. Поддерживай контакт с отделением нашей Конторы. Ребята, наверное, обиделись, что я был в Верховске и не заехал, будут спрашивать – объясни большой занятостью. Об объекте

ни слова. Передай капитану, который возглавляет районное отделение, пусть займется сносом забора. Нехорошо это: руководство поселка отделено от населения.

– Да, Вячеслав Николаевич. Вы теперь в Переслав?

– Через областной центр в Москву. Если потребуется связь со мной, то звони с телефона первого секретаря. Поселковым переговорным пунктом и другими телефонами не пользуйся.

– Само собой.

– Ну, удачи тебе, подполковник. Поехал я.

– Счастливого пути.

Давыдов пожал руку Яковлеву сел за руль «Волги» и повел ее в сторону улицы Коммунарской.

К Яковлеву подошел Горенков и предложил:

– Пройдемте в исполком, Александр Михайлович.

– Да, надо обустроиться.

– Вещей что-то у вас мало.

У Яковлева при себе был небольшой чемодан.

– Все необходимое при мне.

– И оружие?

Подполковник взглянул на первого секретаря.

– Вас интересует, вооружен ли я?

– Я знаю, что у вас есть оружие, и спросил, чтобы узнать, вы будете держать его при себе или сдадите в милицию. Хотя у вас же есть отделение госбезопасности.

– Все свое я держу при себе. Кстати, вам по должности тоже положен пистолет.

Первый секретарь отмахнулся.

– Он в сейфе отдела милиции находится. Сначала, как выдали, носил с собой, потом, знаете ли, надоело. Кобуру летом не спрятать, а с ней выглядишь комично.

– Это безопасность, Виктор Кузьмич.

– Дорогой Александр Михайлович, я ведь успел на фронте побывать, в конце сорок четвертого призвали. Берлин брал, награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Когда штурмовали столицу рейха, будь он неладен, не менее пяти раз должен был погибнуть, но выжил, а ранение получил позже, что и обидно. Уже все закончилось, и я был в составе патруля. Пацан двенадцатилетний из гитлерюгенда из-за угла дал короткую очередь. Товарищей насмерть, меня в руку. Вот так. Если тогда выжил, значит, проживу долго. А если что, то пистолет не поможет.

– Спорное утверждение, но я спорить не буду. Вы вправе распоряжаться личным оружием на свое усмотрение.

Так за разговорами они дошли до райисполкома и оказались в кабинете председателя, миловидной Галины Петровны Зубковой.

Яковлев взглянул на нее и подумал:

«Почему она не была замужем? Странно это. За ней наверняка часто ухаживали мужчины. Или, может, больна?»

Зубкова, словно читая мысли подполковника, улыбнулась и спросила:

– Гадаете, товарищ Яковлев, почему я не была замужем?

Подполковник смутился.

– Да, извините за прямоту, врать не приучен.

– Это очень хорошее и, к сожалению, все больше редкое качество. Почему не спросите?

– Меня это не касается. Личная жизнь есть личная жизнь.

– Вы совершенно правы. – Она сняла трубку телефона. – Алло, гостиница? Это Зубкова, у вас готов гостевой номер? Отлично. Да, он скоро будет. Никак не оформлять. Впрочем... – Женщина повернулась к Яковлеву. – Администратор спрашивает, как вас оформить?

– Вы правильно сказали. Не надо никак оформлять.

– Никак не оформлять. Передать ключи и уделять должное внимание, но не надо-едасть постояльцу, – сказала Зубкова в трубку. – Ты поняла, Вера? Вот и хорошо. Я, пожалуй, подойду. – Председатель исполкома взглянула на первого секретаря. – Виктор Кузьмич, давайте я сама провожу товарища до гостиницы.

– Прекрасно. Сегодня, Александр Михайлович, устраивайтесь, отдыхайте. Хотя извините, по-моему, я говорю что-то не то.

Яковлев усмехнулся и сказал:

– Не совсем то. Чем мне заниматься, буду решать только я.

– Да-да, конечно. Не смею задерживать.

Улыбнулась и Зубкова.

– Вы совсем растерялись, Виктор Кузьмич. Что это с вами?

– Ничего, все нормально. Я в райком. – Горенков направился на выход.

Вышли во двор и Яковлев с Зубковой.

– Разгулялся день. Да, вот сейчас чувствуется весна. Не то что с утра, когда шел дождь, – проговорила женщина.

– Здесь тоже был дождь?

– Да, у нас и в Переславе погода та же самая.

– Чистый у вас воздух, Галина Петровна, а ведь в поселке несколько промышленных предприятий.

– Да какие предприятия? Хотя, конечно, есть где трудиться людям. Самое крупное производство у нас – это хлопчатобумажный комбинат, его недавно открыли. Еще молокозавод, ЖБИ, СМУ, автотранспортное предприятие, пекарня, колхоз на территории поселка. А воздух чистый потому, что Верховск окружен лесами. Река играет важную роль.

– И все равно, у вас воздух какой-то особенный.

– Озона после дождя много, поэтому и дышится легко.

Недалеко от исполкома располагалась аллея, которая и вела к гостинице. На ней стояли свежеевыкрашенные скамейки.

Зубкова неожиданно сказала:

– А хотите, я расскажу, почему не замужем?

Подполковник удивился и осведомился:

– Откуда это желание? Мне говорили, что вы предпочитаете не затрагивать данную тему?

– Не знаю, но вы человек у нас новый, скорее всего ненадолго в районе, а высказаться иногда хочется.

– Ну что ж, с удовольствием послушаю вас.

– Удовольствия, скажу прямо, в моем прошлом было немного. Присядем?

– Как вам угодно.

Они сели на ближайшую скамейку.

Зубкова поправила юбку и начала рассказ:

– Еще в школе, в десятом классе я полюбила одноклассника. Как давно это было, да?

– Ну, не так, чтобы и давно.

– Не важно. В общем, мне казалось, что он полюбил меня. Мы все время, свободное от уроков, были вместе. Подруги завидовали мне. Олег, так звали парня, был сильным, высоким, спортивным, занимался боксом. Активист, член комитета комсомола школы, отличник. Но не в этом дело. Меня привлекло в нем... впрочем, не важно, все это в конце концов оказалось бутафорией. После выпускного вечера мы гуляли по городу, выпили шампанского, и Олег предложил близость. Я не понимала, что делала. В общем, мы уединились в парке, дальше все понятно. Мы обещали друг другу ничего не говорить родителям. Олег собрался поступать в МГУ. Горком комсомола ему направление выдал. Я хотела в Педагогический институт, но

оказалось, что забеременела. Я тогда была наивная, напрасно думала, что Олег образумится, предложит мне выйти за него замуж. А он сбежал, уехал в Ленинград к родственникам. Мои родители, естественно, пошли к нему домой, а отец Олега в то время был прокурором района. В общем, не получилось разговора. Мол, девица сама виновата. Еще неизвестно, от кого у нее, то есть у меня, ребенок. Сколько слез было тогда пролито, не передать. А потом тетя моя, которая работала в роддоме, предложила мне сделать аборт. Что я понимала? Ничего. Мне только исполнилось восемнадцать лет. В общем, сделала аборт, хорошо, мама поддержала меня и купила обезболивающий препарат. А потом выяснилось, что я больше не могу иметь детей. Не поверите, сначала я даже обрадовалась, глупой была, а после пожалела, что не сохранила ребенка.

– Вы затаили обиду на весь род мужской.

– Обида – это мягко сказано. Злость, ненависть. С годами прошло. Как-то виделись мы с Олегом. Приезжал. У него все хорошо, главный специалист на оборонном предприятии, женат, двое детей. Извинился, а я влепила ему пощечину и выгнала из квартиры. За мной ухаживали многие, с кем-то я пыталась наладить отношения. Но не получилось. Все было, но не главное, не любовь. А какое без нее замужество? Так вот и живу, Александр Михайлович. Должность не рядовая, зарплата хорошая, квартира своя, в том же подъезде, что и у Горенкова, а счастье, любовь? Как не было их, так и нет. Но все! Что-то я расслабилась. У вас-то, наверное, все хорошо в этом плане?

– Хотите верьте, хотите нет, Галина Петровна, но я тоже одинок, как и вы.

– Вы-то почему? – удивилась женщина. – Разведены?

– Нет. Как это говорят, вдовец, да?

– У вас умерла жена?

– К сожалению, да. Рак легких. Пять лет назад. И детей не успели завести, хотя могли. Все откладывали, работа, дела. А когда решили, было поздно. Вот такая моя история, Галина Петровна.

– Соболезную.

– Спасибо. Знаете, вам признаюсь. Самое паскудное во всей этой истории то, что я не любил жену.

– Как это?

– Она нравилась мне, нам было хорошо вместе, но я ее не любил.

– Но как же вы жили тогда?

– Она сильно любила меня. Я это видел и не хотел рушить ее счастье. Если бы не болезнь, то мы так и жили бы вместе. Возможно, когда-то я и полюбил бы ее, но что теперь об этом. Я даже когда прихожу на ее могилу, не могу признаться ей в этом, духа не хватает. Теперь моя жизнь – это работа.

– А что у вас за работа, если не секрет?

– Секрет. Скажу лишь одно. Я подполковник КГБ.

– Вот как? Это неожиданно.

– Только не спрашивайте, зачем я здесь. Да и вообще, по-моему, мы слишком разоткровенничались. Вы идите в исполком, гостиницу вижу, сам дойду. Спасибо вам.

– За что? – с удивлением спросила Зубкова.

– За то, что вы выслушали меня. Удивительно, вы открылись мне, я – вам. Что это значит? Зубкова пожала плечами:

– Не знаю. Возможно, и вам стало невмоготу держать при себе свою боль.

– Возможно. До свидания.

– До свидания.

Подполковник направился в сторону гостиницы.

Зубкова долго, пока он не зашел в здание, задумчиво смотрела ему вслед. Она заплакала, но тут же справилась с собой, вытерла глаза, посмотрела в небо, чистое, безоблачное и улыбнулась. Как же быстро иногда меняются у людей эмоции.

Яковлев зашел в холл небольшой гостиницы.

У стойки сидела молодая женщина.

При виде подполковника она поправила прическу и сказала:

– Здравствуйте. Вы и будете наш таинственный гость?

– Да какой же я таинственный? – Яковлев улыбнулся. – Самый обычный.

– Для обычных гостей торцевой номер не заказывают и уж тем более не дают указаний не оформлять их.

– Так вам же легче. Извините, как вас величать?

– Вера Алексеевна Рудина.

– Вера Алексеевна, вы покажете мне номер, или это сделает кто-то другой?

Женщина вздохнула:

– Я, конечно. Кто же еще.

– Вы что, одна на всю гостиницу?

– Есть еще уборщица, в кафе бармен.

– Понятно. Тогда, как говорится, несите службу, дайте мне ключи, а номер я и сам найду.

– Он на втором этаже. Люкс.

Яковлев улыбнулся:

– На табличке так и написано? «Люкс»?

– Да.

– Без цифрового обозначения?

– Номер семнадцать.

– Спасибо.

– У нас в кафе можно позавтракать, а вот обедать или ужинать лучше в ресторане. Вы знаете, где он находится?

– Думаю, где-то рядом.

– Да, на площади Ленина, вернее, рядом с ней, на углу.

– Разберемся.

Яковлев забрал ключи и чемодан, поднялся на второй этаж, вышел в холл, огляделся. Семнадцатый номер находился в торце левого крыла.

Вскоре подполковник уже осматривал апартаменты, предоставленные ему. Это был трехкомнатный номер со столовой, туалетом, ванной. Гостиная или зал, две спальни. Обстановка новая, но заметно, что не домашняя. Одинаковые люстры, шторы, ковровые дорожки, кровати в спальнях. Есть телевизор, магнитола на ножках, внизу ящик с набором пластинок. Небольшая библиотека на двух новых полках. Желтые обои, паркетный пол, коврики тоже одинаковые, как и светильники на тумбочках.

В общем, нормальное жилище для офицера, не избалованного излишествами. Да и что взять от гостиницы, расположенной в районном центре? Хорошо, что есть хотя бы этот номер. Яковлев выбрал спальню с окном, выходящим на улицу Двадцатого партсъезда, положил на кровать чемодан. Начал доставать, развешивать, раскладывать вещи в платяной шкаф. Пистолет в кобуре положил под подушку.

Раздался стук в дверь.

– Открыто! – крикнул Яковлев.

– Это я, администратор.

– Входите, Вера Алексеевна.

– Я вам тут белье принесла.

– Да? А я думал, оно уже заправлено.

– Этим номером редко пользуются.

Он вышел в гостиную, где стояла администратор.

– Вот. – Женщина положила на диван простыни, пододеяльник, наволочку. – Все чистое, отглаженное.

– Спасибо. Что-то еще?

– Нет, – сказала она, как-то особенно взглянула на Яковлева и вышла из номера.

Подполковник закрыл дверь, застелил постель, разделся, принял душ, надел новую сорочку, прежнюю бросил к стиральной машине, выбрал галстук, завязал его. Кобуру он разместил под мышкой, так, что под костюмом ее не было видно. Офицер КГБ посмотрел в окна и не увидел ничего, что могло бы привлечь его внимание.

Он вышел в коридор, спустился в холл первого этажа.

Администраторша удивленно посмотрела на него:

– Вы уходите?

– Да, прогуляюсь, посмотрю ваш поселок.

– У нас нет достопримечательностей. Раньше был рабочий поселок, это сейчас райцентр.

– Ключи сдавать не буду. Надеюсь, вам не влетит за это?

– Не влетит. Вы же особенный постоялец. Кстати, у нас есть кинотеатр, а я заканчиваю в восемь.

– Это же просто замечательно, – сказал Яковлев и вышел на улицу.

Администраторша была в замешательстве, не понимала, что означало это «замечательно»? То, что есть кинотеатр, или то, что они после смены пойдут туда? Действительно необычный постоялец. Высокого полета, москвич.

Вера вздохнула, достала помаду, подвела пухлые губы, посмотрела на себя в зеркало, вздохнула и подумала: «И что еще мужчинам надо?»

Глава 2

Секретарь обкома сел в служебную машину в 19.20.

Как только он опустился на заднее сиденье, водитель Сергей Моргун спросил:

– Домой?

– Да, но через ресторан.

Моргун знал о связи секретаря обкома с заведующей отделом центрального универмага Викторией Игнатьевой, одинокой женщиной на двадцать лет моложе. Но Макаров никогда не ходил в ресторан не только с ней, но и с женой. При его должности это было бы чревато оргвыводами. С законной супругой он выезжал только на мероприятия в обкоме, с Игнатьевой – в охотничий дом у села Баранино либо на квартиру самого Моргуна, который отправлялся в кино или на прогулку часа на три. А тут вдруг ресторан.

– Ну и что ты на меня уставился? – спросил Макаров. – Выпить я хочу. Понимаешь, просто пропустить сто граммов коньяку. А ты подумал, что я пригласил в этот гадюшник Вику?

Водитель пожал плечами:

– Кто знает? В общем-то, мне все равно. Не хотелось бы потерять работу.

– Так ты о себе заботишься?

– Я кто? Так, мелочь. А вот если у вас возникнут крупные неприятности, то меня выгонят с работы первого.

– Но я хочу выпить.

– Петр Тимофеевич, да разве ресторан – единственное место, где можно выпить? Или вам супруга, уважаемая Маргарита Аркадьевна, не нальет?

– Дома само собой. Я перед тем как вернуться... да чего я с тобой разговариваю. Езжай, куда хочешь, но чтобы через десять минут у меня был коньяк.

– Да без проблем. И десяти минут не потребуется. – Водитель достал из бардачка бутылку «Арарата» и раздвижной стакан. – Вот сейчас отъедем к скверу, встану, где людей нет, и пейте сколько хотите.

– А ты запасливый. Молодец. В общественных местах мне и в самом деле рисоваться не следует. Давай к скверу.

«Волга» отъехала от обкома и встала.

Водитель налил сто граммов и сказал:

– На закуску есть пирожок, я в буфете купил.

– Не надо, обойдусь. Домой!

– Есть домой.

Жена встретила Макарова в платье, хотя обычно носила халат. Стало быть, нужный человек уже приехал.

– Где Ревко?

– У тебя в кабинете. Ты выпил?

– Да, и что?

– Ничего, но у тебя гость.

– Потому и выпил. Ты приготовь ужин, я пока поговорю с Ревко.

– Ужин уже готов.

– Тогда побудь в столовой.

Маргарита Аркадьевна вздохнула.

– Интересно, что у тебя с ним общего?

– Потом узнаешь.

Женщина ушла в кабинет.

В кресле, развалившись, сидел директор Дворца культуры железнодорожников Ефим Макарович Ревко, он же агент американской разведки Клаус Линге. Супруга Макарова работала в ДК бухгалтером, поэтому визит Ревко не выглядел чем-то необычным. Директор зашел в квартиру своей подчиненной. Да и вообще Макаровы и Ревко, как говорится, дружили семьями.

– Приветствую, Ефим Макарович.

– Добрый вечер, Петр Тимофеевич. Надеюсь, ты пригласил меня по веской причине?

– А если выпить бутылочку коньяка?

– Тогда это глупо. Я...

Макаров прервал Ревко:

– Коньяк не помешает за ужином, а причина веская, даже очень.

– Слушаю тебя.

Секретарь обкома снял пиджак, галстук, сел на соседнее кресло.

– Сегодня у нас было секретное совещание.

Ревко достал пачку сигарет и спросил:

– Ты не против?

– Нет, я и сам покурю.

Мужчины закурили, и Ревко повторил:

– Слушаю тебя очень внимательно.

– С чего бы начать?

– С начала, Петр Ефимович.

– Совещание касалось размещения в Верховске, там, где находилась овощная база, хранилища с биологическим оружием.

Ревко отставил в сторону сигарету:

– Что? Повтори.

Макаров повторил.

– Черт, а мы всю голову сломали, где русские разместят склады. Какие только варианты не рассматривали. В ЦРУ уверены, что это должны быть районы Сибири. Оказывается, Москва решила вопрос просто и эффективно. Склады под самым боком. Кто подумает, что в зоне сплошного поражения в случае непредвиденных обстоятельств может оказаться столица? Так-так-так. Утром нос начальству. Теперь давай как можно подробнее. – Клаус Линге затушил окурок в пепельнице, положил на стол диктофон.

Макаров напрягся:

– Ты что, хочешь записать мои слова?

– Конечно. Я сегодня же передам эту информацию своему шефу, находящемуся в Москве. Он отправит ее в Лэнгли.

– Но если ты провалишься, то это будет такая улика против меня, что суд, не раздумывая, даст мне высшую меру.

– Не беспокойся, голос изначально, еще при записи будет изменен на старческий женский. Да и ни о каком провале речи быть не может. Кто подумает, что агентом иностранной разведки может быть секретарь обкома?

– Хорошо, я доведу суть переговоров в мельчайших подробностях, но перед этим должен иметь гарантии, что еще до начала функционирования склада мы с женой получим политическое убежище и будем надежно прикрыты американским посольством. Это не говоря о том, что уже определено, и об условиях жизни в Вашингтоне.

Ревко усмехнулся:

– Ты подумал, что затребовал? Какие могут быть гарантии, до того как ты убедишься, что в Верховске построят именно склад с биологическим оружием, а не обычный ракетно-артиллерийский? Нет, уважаемый Петр Тимофеевич. Как говорится, сначала дело. Я же от

имени руководства ЦРУ заверяю тебя в том, что и ты, и твоя жена покинете Советский Союз и получите все, что необходимо, для долгой безбедной жизни.

– А если, получив информацию, вы решите избавиться от меня?

– Послушай, ты, случаем, не выпил?

– Немного.

– Заметно. Иначе не стал бы делать подобные предположения и задавать даже не глупые, а идиотские вопросы.

– Что может помешать этому?

Ревко поднялся, прошелся по кабинету посмотрел в окно, повернулся и произнес:

– Неужели ты считаешь себя единственным американским агентом в Союзе? Как у СССР, так и у США таких сотни. Что станет с агентурной сетью, если ЦРУ или КГБ начнут избавляться от тех, кто отработал свое? Она рухнет и здесь, и за океаном. Тем более что тебя в Штатах планируют использовать в качестве пропагандиста против социалистического строя. Кому как не бывшему высокопоставленному партийному функционеру известны все тонкости политических интриг. Так что оставь беспочвенные опасения и выкладывай суть переговоров в обкоме.

Макаров выложил все, о чем шла речь на секретном совещании.

Когда тот закончил, Ревко отключил диктофон и заявил:

– Отлично! Ты передал очень ценную информацию.

– Что вы намерены делать?

Ревко усмехнулся и ответил:

– Это тебя, извини, не касается.

– Разве мы не в одной лодке?

– В одной, но пока не спустили ее на воду. – Ревко достал из кармана пачку стодолларовых купюр. – Взял на всякий случай. Держи, Петр Тимофеевич. Порадуешь себя и жену новыми покупками.

– На валюту? Я не смогу открыто потратить в Переславе и одну такую бумажку.

– Не сможешь здесь – сделаешь это в Москве, не сам, через кого-нибудь. Но если не хочешь...

Макаров тут же забрал деньги и буркнул:

– Ладно, разберемся. – Он подошел к двери, открыл ее и крикнул: – Рита!

– Да?

– Ужин готов?

– На столе.

– Принимай своего начальника.

Ужин удался на славу. Маргарита Аркадьевна умела готовить даже из тех продуктов, которые продавались в обычном гастрономе. Макаров редко пользовался обкомовским магазином, покупал там только импортные, дефицитные сигареты и спиртное.

После ужина Ревко поблагодарил хозяйку и попросил Макарова проводить его в прихожую.

Там он сказал:

– Теперь тебе, Петр Тимофеевич, надо вести себя максимально аккуратно. Нет, внешне как обычно, но ты сам все понимаешь. И еще, знаешь, у меня такое впечатление, что супруга твоя не знает о твоих намерениях уехать в США.

– Пока рано ей знать. Но в курсе моих планов сын Вадим. Он не имеет ничего против жизни в США.

– Тебе надо решить этот вопрос с супругой.

– Я решу.

– Да уж постарайся. Ты сам должен понимать, что произойдет, если возникнет угроза нашей деятельности. А она может появиться, если Маргарита Аркадьевна выступит против.

– Я же сказал, что решу этот вопрос.

– Хорошо. Думаю, скоро я позвоню и скажу, что требуется предпринять. До свидания.

– До свидания.

Ревко, он же Клаус Линге, поймал такси, доехал до железнодорожного вокзала. У телефонной будки, как и всегда, было много народу. Но это и хорошо. Он недолго постоял в очереди, опустил в аппарат две копейки, набрал номер.

Ему тут же ответил немолодой голос:

– Да?

– Это Ефим.

– Добрый вечер.

– Добрый. Как насчет того, чтобы прогуляться в парке? Сегодня на удивление теплая погода.

– Я только собирался подышать свежим воздухом.

– Тогда я жду в парке, у кафе, на аллее.

– Хорошо, выхожу.

Ревко прошел в парк, в котором располагался Дворец культуры железнодорожников. У главного павильона кафе, на аллее, ведущей в глубь зеленой зоны, он присел на лавку под одиноким фонарем.

Вскоре к нему подошел пожилой мужчина.

– Еще раз приветствую, Ефим Макарович.

– Присаживайся, Иван Сергеевич.

Пенсионер Никифоров сел рядом с агентом ЦРУ.

– Как здоровье? – спросил Ревко.

Пенсионер кивнул:

– Слава богу, пока не жалуясь.

– Вот и хорошо. Тебе завтра следует выехать в Москву.

– На встречу с шефом?

– Да. Машина-то на ходу?

– У меня же «Победа», а ей износ нет.

– Хорошая машина. Много в ней было скопировано с немецкого «Опель-Капитана» тридцать восьмого года. Русские много чего позаимствовали у западных образцов. Порядок связи с шефом не забыл?

– А чего тут помнить? Заехать в Москву, позвонить с ближайшего телефона-автомата в поликлинику, узнать, работает ли доктор Соболев. Если работает, попросить к аппарату, если нет, позвонить домой. Поприветствовать и сказать, что в Переславе мне плохо поставили протезы. Доктор скажет: «Чем я могу вам помочь? Иногородних не принимаю. Если только посмотреть и проконсультировать». Тогда он и назначит мне встречу.

– Все верно.

– Что ему передать?

– Вот это. – Ревко достал из кармана миниатюрную катушку магнитной ленты диктофона «Электрон». – Здесь очень интересная информация.

– Не вовремя ты, Ефим Макарович.

– Это что еще за штучки?

– Собирался я в деревню, хотел родственников проведать, а потом новые колеса купить.

– Это ты можешь сделать и после Москвы.

– Мне скаты еще заводские предложили.

Ревко усмехнулся:

– Ты бы, Иван Сергеевич, прямо сказал, что тебе нужны деньги.

– Так это само собой разумеется.

– Держи. – Ревко передал пенсионеру двести рублей. – Этого хватит?

– Сотню добавь. Все одно не из своего кармана платишь.

Ревко передал пенсионеру еще сто рублей и заявил:

– Завтра с утра ты должен убыть в Москву.

– В семь часов и поеду. В десять буду в столице. Один вопрос, Ефим Макарович.

– Да.

– Ты предупредил шефа о моем приезде?

– Нет. Действуешь самостоятельно, по определенному порядку.

– А если доктора нет в Москве?

– Он в Москве.

– А если придется задержаться? У меня родственников в столице нет, а с гостиницами там сам знаешь как.

Ревко вздохнул:

– Да, бардак полный.

– Так у нас в России завсегда было. Не подмажешь, не поедешь.

– Да. – Он передал Ивану Сергеевичу еще пятьдесят рублей. – Это все!

– Если не заночую, деньги не верну.

– Забери. Только смотри, чтобы кассета не попала в чужие руки. Там информации как раз на высшую меру.

– Не пугай, пуганный. Что еще? На словах надо что-нибудь передать?

– Нет, если только выслушать и запомнить, что скажет шеф. Надеюсь, с памятью у тебя проблем нет?

– Нет.

– Впрочем, скорей всего Соболев передаст письмо. Его привезешь.

– Не боишься, что влезу в ваши секреты?

– Письмо будет зашифровано, ты ничего не поймешь.

– Вот и хорошо. А насчет секретов не беспокойся. Мне чужие тайны не нужны.

Ревко кивнул:

– Знаю, поэтому и работаю с тобой.

– У тебя, Ефим Макарович, все?

– Как вернешься, позвони. В любое время.

– Даже ночью?

– Даже ночью.

– Хорошо.

– Теперь все.

– Пошел я. Выспаться надо.

– Спокойной ночи!

– Спокойной.

Проводив связного, Ревко вышел из парка, пошел по улице, выбрался на проспект. В это время он легко мог поймать такси – зеленые огоньки светились чуть ли не на каждой второй машине, проходящей мимо, – но решил пройтись пешком.

Его беспокоила супруга секретаря обкома.

«Хоть Макаров и уверяет, что решит с ней вопрос, но все это ненадежно, – раздумывал американский агент. – А вдруг в Маргарите разыграет советский патриотизм? В разговорах на работе она не особо жалуется западный образ жизни. Конечно, все это может быть игрой, притворством, однако в душу ее не влезть даже мужу. А если Маргарита узнает о Виктории, его любовнице, то станет очень опасной. Женская ревность жестока и беспощадна. Да, Мака-

ров знает, что если его супруга взбрыкнет с отъездом на запад, то ее придется убрать. Решать этот вопрос надо будет до начала работы по спецобъекту в Верховске. Ответственность же за нее доктор Соболев, он же Алекс Гербер, умело переложит на меня, Клауса Линге. Вывод тут может быть один. Надо убрать препятствие до начала работы. Маргарита Аркадьевна – женщина здоровая, но всякое бывает. Например инфаркт. Да, это прискорбно, но Риту придется убрать. Догадается ли Макаров, что это моих рук дело? Скорей всего сообразит, но что стоят его догадки? Ничего. Петр Тимофеевич умный человек. Он поймет, что к чему, но претензии предъявлять не станет, смирится. В конце концов, в США он сможет найти себе женщину. Но это будет его личное дело».

Приняв решение, Ревко успокоился, полной грудью вдохнул чистый воздух и медленно зашагал в сторону своего дома, где его ждала супруга Ева, здесь, в России – Екатерина Петровна, медицинская сестра, работающая в поликлинике.

Придя домой и выпив чашку кофе, Ревко подозвал жену.

– Да, дорогой?

– Ева, нужен яд, вызывающий инфаркт дня через два после введения.

Супруга обняла мужа, сидевшего на диване в гостиной, и спокойно спросила:

– И от кого ты решил избавиться, Клаус?

– От Маргариты Макаровой.

Ева удивилась:

– От Риты? Она-то чем мешает тебе?

Семьи Макарова и Ревко иногда встречались, особенно по праздникам, проводили вместе время. Поэтому Ева хорошо знала жену секретаря обкома.

– Маргарита может быть опасна.

– Но чем? Она полностью под властью мужа.

– Ты ведь знаешь, что Макаров встречается с любовницей.

– И что? Это делает великое множество мужчин.

– Но далеко не все жены знают об этом.

– Надеюсь, ты не изменяешь мне?

– Мы, Ева, на работе. И потом, я получаю от тебя все, что нужно мужчине. Как говорят русские, от добра добра не ищут.

Ева улыбнулась:

– Даже если это неправда, то по крайней мере в России ты меня не бросишь.

– Я не брошу тебя и в Штатах. Но что у нас за дурацкий разговор пошел? Я спросил о яде.

Супруга кивнула:

– Я помню. Ты уверен, что Макаров не заподозрит тебя в смерти жены?

– С ним я разберусь.

– Хорошо. Только ведь Риту наверняка будут вскрывать, так?

– Да, все же она еще не старая, никогда не жаловалась на здоровье и являлась женой секретаря обкома.

– Значит, на момент вскрытия, а это, как правило, второй день после смерти, патологоанатом не должен обнаружить в организме яд?

– Да.

– Понятно. Как срочно тебе нужен смертельный препарат?

Ревко-Линге обнял женщину.

– Ты же знаешь, любовь моя, у нас все и всегда чем раньше, тем лучше. А что, подбор яда – это проблема? У тебя есть с десятков ампул и много порошка.

– Все не так просто, дорогой, как тебе кажется. Чтобы при вскрытии не обнаружили следы яда, нужен такой препарат, который поразит сердце человека и еще до его гибели будет

выведен из организма. Такого яда в готовом виде у меня нет. Потребуется так называемый коктейль. В этой адской смеси необходимо точно вымерить дозы. На это нужно время.

– И тогда твой препарат гарантированно не будет найден при вскрытии?

– Да.

– Это замечательно. У тебя есть время. Но постарайся побыстрее.

– Как буду свободна.

– Ты и сейчас свободна.

– Нет, Клаус, сейчас пришло время исполнения супружеского долга. Я очень соскучилась по тебе. Ты разве нет?

Что мог сказать Линге? Только то, что тоже очень соскучился.

Приняв душ, они уединились в спальне, оставили все дела на потом.

Начался очередной рабочий день.

Особой работы у директора дворца культуры не было. Киномеханик уехал за новыми фильмами, которые демонстрировались в 19.30, заведующие секторами занимались по расписанию. Библиотекари выдавали и принимали книги. С утра собрался хор на репетицию.

Секретаря у Ревко по штату не было, но рядом с его кабинетом находился кабинет бухгалтера Маргариты Макаровой. С ней было легко работать. Статус мужа избавлял ее от проверок различного рода. Проводились только те из них, что входили в перечень обязательных. Они всегда заканчивались похвалой бухгалтера и констатацией отсутствия каких-либо финансовых нарушений. Да их в принципе и не было.

Надобность в хищениях отсутствовала начисто. Ревко имел солидный финансовый запас, полученный от Гербера, ну а жена секретаря обкома была полностью обеспечена. Мелкие же ошибки проверяющие старались не замечать. «Не ошибается тот, кто ничего практического не делает». Именно так говорил 5 июля 1918 года на Пятом Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Впрочем, о чем-то подобном заявляли многие люди, начиная с древнегреческого мудреца Еврипида.

Ревко пошел к Макаровой:

– Доброе утро, Маргарита Аркадьевна.

Миловидная женщина улыбнулась:

– Доброе. А почему так официально, Ефим Макарович?

– Да просто так. Вы не сделаете мне кофе, Рита?

– А у меня закончился.

– Да? Какое совпадение, у меня тоже.

– Но это не проблема, Ефим Макарович. Я схожу в буфет и куплю.

– Будьте так любезны. Возьмите. – Он положил на стол шесть рублей, именно столько стоила банка кофе.

– Ну что вы, Ефим Макарович? У меня есть деньги.

– Возьмите, в следующий раз на ваши купим.

– Вы у себя будете?

– Да.

– Я тогда принесу и кое-какие бумаги на подпись.

– Конечно. После вас я подпишу что угодно, даже чистые бланки и листы.

– А вот этого делать не надо, Ефим Макарович. Я же могу и ошибиться.

– И вы думаете, я это замечу?

– Ну ладно, я быстро.

Бухгалтерша сходилa в буфет, в кабинет директора зашла с банкой растворимого кофе, коробкой конфет и папкой с документами.

Электрический чайник уже вскипел.

Маргарита отложила бумаги, заварила кофе в чашках.

– Интересно, когда вы с мужем ездили в Болгарию, там тоже подавали такой же растворимый кофе? – спросил Ревко.

– Смотря где. В дешевых кафе – это да. В ресторане гостиницы, где мы жили, готовили кофе на раскаленном песке и разливали в такие маленькие чашечки, два глотка – и все.

– Лучше, наверное, сваренный кофе?

– Знаете, мне не понравился. Привыкла к нашему, растворимому.

– Да, привычка значит многое. Слышали историю про наш ячменный напиток, который в столовых продают как кофе?

– Нет.

– Рассказать?

– Конечно.

– Приезжают в Союз бразильцы. Ну, им, естественно, показывают Москву, Ленинград, кормят в лучших ресторанах. Но однажды завели в обычное кафе. Бразильцы тут же заказали кофе. Выпили, и понять не могут, что это за напиток. Спрашивают у гида, мол, что это у вас за кофе такой своеобразный? А гид отвечает: «Так это ячменный». Бразильцы и старший их говорит: «Никогда бы не подумал, что зерна кофе могут на колосьях ячменя произрастать».

Маргарита рассмеялась, хотя этот анекдот слышала не впервые.

Она оставила банку, чашки, забрала подписанные документы и ушла к себе в кабинет.

А после обеда раздался звонок служебного телефона.

– Алло? – сухо ответил Ревко.

Надо держать марку, какой-никакой, а все же директор.

– Ефим Макарович, это Никифоров.

– Иван Сергеевич, ты где?

– Дома. Стоматологи в Москве иногородних не обслуживают, но хоть проконсультировал один, и на том спасибо.

– Какие стоматологи? О чем ты?

– В Москву я ездил, у нас доктора так протез поставили, что челюсть не закрывается.

Посему с утра на хор и не пришел.

– Вот ты о чем! Своему художественному руководителю это объясни.

– Так у вас в ДК телефон только у тебя есть.

– Ладно, я ему скажу, почему тебя не было на репетиции.

– Ага, скажи, будь добр. А я погуляю по парку. С севера ветер холодный, как бы чего не надул, а мне свежий воздух надобен.

– Да гуляй ты сколько хочешь.

Ревко положил трубку.

Он бы мог общаться с нужными людьми свободно, но сейчас, когда принято решение о размещении секретного объекта, КГБ вполне мог подключиться к прослушиванию служебных телефонов руководителей разного уровня. А что узнают комитетчики из состоявшегося разговора? То, что какой-то Никифоров, действительно занимающийся в народном хоре области, ездил в Москву лечить зубы. Его послали там куда подальше, и он сообщил причину невыхода на репетицию. Офицеры КГБ даже слушать это не станут.

А Никифоров передал главное. С шефом он встретился, инструкции получил и готов передать их в парке.

Директор вышел из кабинета, заглянул к Макаровой.

– Я дойду до поликлиники, Маргарита. Если кто-то будет звонить, ответьте, пожалуйста.

– Да, конечно, Ефим Макарович. Большой привет Екатерине. Может быть, завтра, в субботу, встретимся? Я поговорю с мужем, можем съездить в охотничий домик, там сейчас хорошо. Все распускается.

- Я не против, но Петр Тимофеевич всегда так занят.
- Это да, должность. Но вдруг удастся договориться.
- Мы с Катей будем только рады.

Ревко вышел из Дворца культуры и двинулся в парк.

«Эту вот женщину я должен убить, – подумал он. – Жалко ли мне ее? Станный вопрос. С одной стороны, она не сделала нам ничего плохого, с другой же – потенциально может это устроить. Что поделаться, раз такая у меня работа? Конечно, лучше было бы обойтись без этого, но ставить под угрозу свою жизнь из-за какой-то бабы глупо. Однако хватит, вопрос решен. Быстрее бы Ева сделала смертельное зелье».

Никифоров сидел на той же скамейке, что и прежде.

Ревко устроился рядом с ним и сказал:

- Быстро ты управился, Иван Сергеевич.
- Так уж вышло. Соболев словно ждал меня. Позвонил я, и уже через полчаса мы встретились. Да и на дороге обошлось без проблем. Меня ни на одном посту ГАИ не остановили.
- Что передал шеф?
- На словах только то, что известие о делах в Верховске застало руководство врасплох. Такого не ожидал никто. Ну а остальное в инструкции. – Он достал конверт, осмотрелся и передал Ревко.

Тот положил его в карман.

- Что дальше? – спросил Никифоров.
- Дальнейшие действия зависят от того, что в инструкции. Ознакомлюсь, доведу, если потребуется. Тебе же находиться дома. Машину держать в готовности. Вдруг пригодится.
- Что, и на прогулку нельзя выйти?
- В пивную тоже.
- А как же новая резина?
- Вот прямо сейчас езжай к продавцам, покупай, ставь. До вечера можешь закончить свои дела. А прогулка? На балконе подышишь чистым воздухом.
- И с соседом выпить нельзя?
- Нет. Никаких соседей и пьянок. Я дам тебе время расслабиться. Впрочем, как я уже сказал, наши действия будут полностью зависеть от того, что ты привез. Все, расходимся. Будешь нужен – позвоню.

Ревко поднялся, покинул парк и зашел в поликлинику.

Жена его заканчивала работу в первую смену, и они решили пообедать в ведомственной железнодорожной столовой, где готовили вполне сносно.

После обеда, провожая супругу до остановки, Ревко сказал:

- Едва не забыл. Маргарита тебе привет передавала, предложила вместе поехать за город.
- Зачем ты мне это говоришь?
- За тем, что если Маргарита уговорит Макарова, а тот окажется свободным, то придется ехать.
- Ну и что? Надо – поедем.
- Ты по возвращении домой займись препаратом.
- Планируешь за городом отравить Риту?
- А ты успеешь до завтра подготовить яд?
- Не знаю. Постараюсь.
- Постарайся, дорогая.
- Мне надо пятьсот рублей.
- Зачем?
- У нас врач один продает новую джинсовую юбку и куртку. У него был фарцовщик. Я бы тоже не прочь купить.

– И как ты объяснишь такую покупку? Не в плане денег, их можно было и скопить. Но откуда у тебя взялись те вещи, которые в советских магазинах не продаются?

– Понятно. Денег не будет.

– Занимайся работой. В Штатах купишь себе все что угодно.

– Когда это будет, Клаус?

– Не знаю, но не торчать же нам всю жизнь в этой грязной России.

– Ладно, я все поняла. Надеюсь, сегодня ты не задержишься?

– Нет. Приду вовремя.

– Что на ужин приготовить?

Ревко усмехнулся и ответил:

– Себя.

Ева серьезно взглянула на него и заявила:

– Это понятно. Из еды что?

– На твое усмотрение. У тебя прекрасный вкус.

– К нему бы еще нормальные магазины. А то зайдешь, а выбрать нечего.

– Это ты напрасно, сейчас с продуктами стало более-менее.

– Хорошо, дорогой. До вечера.

– До вечера, любовь моя.

Проводив Еву, Ревко вернулся в свой кабинет, убедился в том, что никто неожиданно зайти сюда не сможет, вскрыл конверт и вытащил из него самое обычное письмо, не содержащее никаких тайн. Он взял из шкафа томик Лермонтова, открыл его на последней странице. Вскоре инструкция приняла свой истинный вид. Ревко внимательно прочитал ее, сложил лист, поджег зажигалкой, прикурил сигарету и задумался.

По приказу Соболева-Гербера Линге должен был установить связь с неким типом, который был когда-то начальником полиции в одном из районов Белоруссии и прислуживал гитлеровцам, а стал добропорядочным советским гражданином, водителем в колхозе «Ильич» села Баранино. Теперь его звали Губаровым Матвеем Егоровичем, в прошлом – Кучером Федотом Степановичем. В инструкции были кратко описаны кровавые деяния этого субъекта.

Связь установить приказано было через Никифорова, который лично знал предателя. Ревко должен был встретиться с этим Кучером-Губаровым и приказать ему собрать группу, которую контролировал человек, известный этому иуде. Проще говоря, это была банда, состоявшая из уголовников, отбывших в разное время сроки за различные преступления. Этой банде предстояло... но это потом. Сначала контакт.

Ревко подумал, надо ли ему посвящать Гербера в свои планы насчет Маргариты Макаровой прямо сейчас, пока это можно сделать, и решил, что не стоит. У шефа наверняка возникнет слишком много вопросов, отвечать на которые у него никакого желания не было.

А вот Никифорова ему предстояло отправить в Баранино сегодня же. Завтра суббота. Бывший полицейский может уехать из села.

Ревко снял трубку, набрал номер и услышал длинные гудки.

«Видимо, пенсионер отключил телефон и завалился спать, – подумал он. – Позвонить позже или пойти к нему домой? Это нежелательно, хотя кому какое дело, для чего к пенсионеру зашел директор Дворца культуры, да и мало кто в доме знает, кто я такой. Но все же лучше еще раз позвонить, перед тем как идти домой».

Чуть позже с ним связалась сотрудница управления культуры. Она предупредила его о комиссии, которая должна проверить работу Дворца культуры в сроки, которые будут доведены дополнительно. Ревко выслушал эту даму, обладающую сухим, каким-то каркающим голосом, и заверил ее в том, что готов к любым проверкам.

Постепенно рабочий день подходил к концу.

В 16.50 к нему заглянула Макарова.

- Вы на месте, Ефим Макарович? Я думала, уже ушли.
- Да собираюсь уже.
- Муж за мной служебную машину обещался прислать. Поедете с нами?
- Нет. Это лишнее, доберусь на общественном транспорте.
- Я тоже говорила Петру, что не надо присылать машину, да разве он послушает?
- Семье секретаря обкома машина положена.

Маргарита Аркадьевна вдохнула:

– Где эта семья? Сын в Англии, Петр стал каким-то замкнутым, все в каких-то думках, постоянно задерживается на работе, выезжает в районы на несколько дней. Семья, Ефим Макарович, – это громко сказано.

– По-моему, вы преувеличиваете, Маргарита.

– Может, я сегодня уговорю его выехать в лес. И вы с Катей обязательно с нами. – Женщина вздохнула и продолжила: – Вот у вас семья, хоть и нет детей, извините. Со стороны видно лучше.

- Да, Екатерина замечательная жена, хозяйка, женщина.
- Рада за вас. Я с ней созвонюсь позже, если вы не против.
- Отчего я должен быть против? Конечно, звоните.
- А вот и машина. Побежала я.
- До свидания, Маргарита Аркадьевна.

Когда она закрыла за собой дверь и по коридору простучали каблук ее туфель, Ревко прикурил сигарету и пробурчал себе под нос:

– Вот и подтвердила ты, Рита-Маргарита, правильность моего решения. Не поймешь ты мужа, собирающегося на Запад, предательства не простишь. Если оставить тебя в живых, то совсем скоро ты превратишься в серьезную угрозу. А этого допустить нельзя.

Ровно в шесть вечера, когда в ДК почти не осталось сотрудников, лишь кассиры, билетерша да механик, Ревко вновь набрал номер Никифорова.

На этот раз пенсионер недовольно, раздраженно, но ответил:

- Да!
- Чего так кричишь, Иван Сергеевич?
- А, это вы? А я думал, опять ошиблись номером.
- В каком смысле опять? – поинтересовался Ревко-Линге.
- Да звонил какой-то придурок. Ольгу ему подавай. Ответил я, что нет здесь никакой Ольги. А он мне говорит, что не мог ошибиться, называет мой номер. «Значит, – говорю, – кинула тебя твоя Ольга, назвала первый пришедший в голову номер, чтобы отделаться, попала на мой». Парень разозлился, матерился шибко.

- Почему ты раньше не сказал мне об этом?
- Да не стоит на всяких недоумков внимание обращать.
- А если это не случайный звонок?
- Нет, обманула бабенка ухажера, и все дела.
- Выходи в парк, дело есть.
- Что, опять? Я, между прочим, человек в годах, мне отдыхать больше надо.
- Я думаю, материальная компенсация вполне заменит отдых.
- Это другое дело. Идти туда же, куда и всегда?
- Да.
- Лады, сейчас оденусь и выйду. – Никифоров положил трубку.

Ревко задумался:

«Что мог значить этот звонок? Действительно случайное совпадение или?... Хотя какой интерес для милиции и тем более КГБ мог представлять пенсионер? А вдруг все же где-то допущена ошибка? Черт, я так скоро буду от каждого столба шараться. Нет у комитетчиков

никаких зацепок по нашей агентурной сети, развернутой в Переславе. Иначе они работали бы по-другому, и я заметил бы это».

Ревко попрощался с гардеробщицей, выбрался в парк, прошел на аллею. Никифоров уже сидел на скамье и постукивал клюкой, которую зачем-то иногда брал с собой.

Ревко присел рядом.

– И что за дела? – тут же спросил Никифоров.

– Надо навестить господина Губарова-Кучера.

Пенсионер с удивлением посмотрел на агента американской разведки:

– Он-то вам зачем сдался?

– Если был бы не нужен, я бы тебя не посылал.

– Вы, наверное, забыли, Ефим Макарович, мне седьмой десяток идет, я вам не молодой жеребец, чтобы скакать туда и обратно.

Ревко достал двести рублей.

– А так, Иван Сергеевич?

– Это другое дело. За эти деньги можно съездить.

– Вот и договорились.

– Завтра с утра и поеду.

Ревко покачал головой.

– Нет, сегодня.

– Это что, в ночь?

– Ночью даже лучше. Меньше машин на дороге. И пост ГАИ в Верховске закрыт. В районе не хватает людей, инспекторов выставляют только до девяти вечера.

– Это я знаю. Ладно, в ночь так в ночь.

– В самом райцентре светиться тебе не стоит, там патрульная служба. На въезде в Верховске следует обогнуть колхоз и следовать по улице Коммунарской, на Окскую не выходить, за поворотом идти по грунтовке вдоль реки. В Баранино на улицы не въезжать, проехать по берегу и встать за огородом. Зайти от Оки во внутренний двор. Разговор с Губаровым вести в саду, чтобы жена не слышала. Понятно?

– Понятно. Что передать?

– А передать надо следующее. Закончилась спокойная жизнь, пора потрудиться на тех людей, которые из полиция Кучера сделали гражданина, даже товарища Губарова. В понедельник ему надо быть здесь, в парке, в тринадцать десять. Это все.

– Из-за этого ехать в село?

– По-моему, кто-то уже получил деньги за работу. За одну поездку столько, сколько рабочий, я уж не говорю о пенсионерах, в месяц не получает.

– Хорошо. Значит, в девять вечера закроется пост ГАИ в райцентре. Получается, что мне надо быть там где-то в десять. От Переслава до Верховска пятьдесят два километра, еще где-то три-четыре по городу. Перед мостом пост ГАИ областного отдела. Там меня, пенсионера, если остановят, то сразу и отпустят. Спокойной езды около часу. Выезжать в девять надо, так?

Ревко пожал плечами.

– Тебе виднее.

– Да, в районе девяти. Тогда в десять буду в Верховске, потом объезды, грунтовка и километр до Баранино. Стало быть, во двор я войду где-то в одиннадцать. На селе люди ложатся рано. Новости посмотрят, и отбой у них.

– Ничего, разбудишь. Кстати, у него собака есть?

– Гусар-то? Есть. Как раз во дворе на цепи сидит. Злой пес, но знает меня. Возьму ему кусок колбаски да мослов, что остались от холодца.

– Запомни, жена Губарова Зинаида не должна слышать вашего разговора.

– Не услышит. Матвей смекнет, в чем дело, не пустит ее.

- Тогда счастливого пути, Иван Сергеевич.
- По возвращении позвонить?
- С ума сошел? Это будет часа в два.
- Когда же тогда доложить о результатах поездки?
- Завтра с утра. Ты из дома не выходи, я сам тебе позвоню.
- Хорошо. Спокойной ночи, Ефим Макарович, – сказал Никифоров, встал и направился

к выходу из парка.

Ревко покурил десять минут и двинулся следом. Он поймал такси и доехал до дома.

Жена встретила его в расстройстве.

– Что случилось, Ева?

– Звонила Маргарита. Макаров отверг ее предложение совместно отдохнуть в охотничьем домике. Видите ли, у него много работы.

– Он прав, – проговорил Ревко, снимая туфли и обувая домашние тапки. – Сейчас, когда русские задумали разместить в одном из районов области секретный объект и должны это сделать быстро, секретарю обкома не до отдыха.

– Но можно было хоть на день выехать на природу. Может, мы одни, без них? Возьмем палатку, продукты, удочки для тебя.

Ревко обнял супругу.

– У меня, Ева, тоже работа. И у тебя. Кстати, что у нас по препарату для Риты?

– Он уже готов.

– Вот как? Молодец. Покажи.

– Да что в нем интересного? Жидкость в ампуле.

– Я хочу посмотреть.

– Хорошо. Пойдем.

Они прошли в гостиную. Ева достала из комода небольшую стеклянную ампулу со снимаемым верхом.

– Смотри. Обычная, совершенно прозрачная жидкость.

– Ты уверена, что яд подействует не сразу?

– Конечно. Меня учили этому почти два года.

– Ну да, ты же специалист в этом деле. Значит, надо вылить содержимое ампулы в кофе. Через два дня у жены Макарова случится сердечный приступ, который приведет к смерти, и экспертиза не покажет ничего, так?

– Да, дорогой.

– Значит, в понедельник Маргарита примет яд и в среду умрет.

– Ты заберешь ампулу, или надо поставить ее на место?

– Зачем мне таскать ее с собой? Поставь в комод.

Супруги поужинали.

Ревко курил на кухне, пока чистюля Ева мыла посуду.

– Я получил инструкции от Гербера, – проговорил он.

Ева, не отрываясь от своего занятия, спросила:

– И что в них, могу я узнать?

– Конечно, мы же одно целое. Гербер задумал рисковую операцию. Пока идет подготовительный этап, но и он сопряжен с опасностью и привлечением местных уголовников. – Ревко рассказал жене и коллеге о планах Гербера.

Ева кивнула и произнесла:

– Согласна, план рисковый, но иначе не получится пробиться к объекту.

– Это да. Но что дальше?

– По-моему, это ясно.

– Тебе ясно?

– Да, объект должен быть уничтожен.

– Ты представляешь, какие это вызовет последствия?

– Но русские сами виноваты в том, что смертельно опасное оружие решили хранить в центре страны, хотя уж где-где, а в Союзе полно мест, где до сих пор не ступала нога человека.

Ревко задумался, затушил окурок и проговорил:

– Мы и рассчитывали, что подобные объекты будут размещены где-нибудь в тайге.

Ева присела напротив мужа:

– Мы это кто? Ты, я, Гербер, его жена Мели?

– Мы, это ЦРУ.

– Тогда ответь на такой вопрос. Если в Лэнгли рассчитывали, что химическое и биологическое оружие русские спрячут от уничтожения в Сибири, то почему мы работаем здесь, а не где-нибудь в Красноярске?

– Очевидно, что в разведуправлении просчитывали различные варианты размещения хранилищ. Перед внедрением в Переслав нам ставилась задача, совершенно не связанная с бактериологическим оружием. Мы должны были... впрочем, ты это и сама знаешь. Ну а теперь, естественно, нас переключили на секретный объект ноль-ноль-два.

Ева тоже взяла сигарету прикурила, поморщилась и сказала:

– Какую же гадость делают эти русские! Совсем не то, что наши марки.

– Ты еще не привыкла.

– Мне бы бросить. Но не получится. Ничего уже не изменить. И еще я хотела сказать, что хочу тебя!

Ревко улыбнулся:

– С этого и следовало начать.

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу тебя всегда. Иди в ванную.

– Да, дорогая, я уже ушел!

Глава 3

Никифоров отправился в путь в 21.10. Город он проехал спокойно, а вот перед мостом через Оку, на посту ГАИ его остановили. Молодой бравый сержант отработанным и небрежным движением крутанул жезл и направил его к обочине. Было заметно, что милиционер красовался тем, что научился так виртуозно обращаться с обычной в принципе палкой.

– Черт поberi! – буркнул Никифоров. – Только тебя мне и не хватало. – Он нажал на тормоз, съехал на обочину, остановился.

К машине подошел гаишник.

– Младший сержант Колобов, попрошу документы, гражданин.

Никифоров вздохнул:

– И сдались тебе, сынок, мои документы? Я не в тех годах, чтобы ездить без прав.

– Извините, повторяю, попрошу предъявить документы.

Младший сержант покручивал жезлом, и это ему нравилось. Борзый паренек, фуражка на затылке, португепя ослаблена, взгляд самонадеянный. Как же, в люди выбился. Посмотреть бы на него, когда ствол пистолета уткнется в лоб. Обделается, это как пить дать.

– Ну документы, так документы. – Никифоров предъявил водительское удостоверение, паспорт.

Младший сержант их посмотрел и спросил:

– И далеко, отец, едем?

– Куда же мне далеко-то? В Сибово.

– Прописан в Переславе, а чего в Сибово забыл?

– Тебя это касается?

Инспектор бросил взгляд в паспорт.

– Меня, Иван Сергеевич, здесь все касается.

– Дружок мой фронтовой приболел, позвонил, просил приехать.

– Ага! Ну если товарищ фронтовой, то другое дело. Документы в порядке, можете ехать.

Счастливого пути.

– Я вернусь, пока ты дежурить будешь. Проведаю товарища и вернусь.

– Дело твое, отец, – сказал младший сержант, завидел грузовую машину, приближающуюся к посту, и отошел.

Никифоров включил передачу, выехал на дорогу и повел «Победу» к мосту, за которым сразу свернул в сторону Верховска. У районного центра пост был уже снят. Водитель свернул направо, обогнул территорию колхоза «Верный путь», и машина оказалась на улице Коммунарской. Фонари на столбах почти не горели, светились только переулок Павлика Морозова и площадь Ленина.

Никифоров миновал поворот на улицу Окскую, где спокойно мог оставить подвеску прямо сейчас, спустился до грунтовки. По ней и повел машину, не превышая скорость в сорок километров в час. У паромы никого не было. Не встретил ни единой живой души связной Линге и на задах села Баранино.

Он остановил машину напротив самодельного частокола ограды участка Губарова. Выйдя из «Победы», Никифоров осмотрелся, прислушался, легко для своих лет перемахнул через городьбу, пошел по огороду и саду, выбрался во двор. К нему, гремя цепью, метнулся пес.

– Гусар, ты что, не узнал?

Пес дружелюбно замотал хвостом.

Никифоров бросил ему кусок колбасы, который тут же исчез в пасти, высыпал в миску кости, оставшиеся от приготовления холодца. Пес уткнулся в них мордой.

Никифоров подошел к кухонному окну, постучал.

Жена Губарова Зинаида услышала шум, толкнула в бок мужа.

– Матвей, никак, со двора в окно стучали.

– Да кто там может быть? Полночь уже.

– Говорю, стучали, сама слышала.

Тут и Губаров услышал повторный стук.

– Что за черт? И Гусар не лает. Значит, кто-то свой?

– Может, кто из правления колхоза?

– Какого к черту правления, Зинка? Спят все.

– Так ты говорил намеренно, что с утра надо с Манюхиным за запчастями ехать?

– И чего?

– Так передумал насчет утра заместитель председателя, вот и явился.

– Со двора?

– Да, не он это. Я боюсь, Матвей.

– Не бойся, лежи смирно, я пойду посмотрю, кого это принесло.

– Ружье возьми.

– Топора хватит. – Губаров в исподнем зашел на кухню, сдвинул шторку, увидел физиономию Никифорова и буркнул: – Твою мать, кого не ждали!

Он кивнул. Мол, чего приперся?

Никифоров указал на двор. Выходи, дескать.

Хозяин дома надел на нижнюю рубашу душегрейку, брюки, обул сапоги.

Жена высунулась из спальни и спросила:

– Ты что задумал, Матвей?

– Во двор выйду, знакомец из Переслава приехал, Никифоров.

– А чего он сейчас-то?

– Вот и провожаю. А ты спи. За мной не ходи, поняла?

– Нет охоты из теплой постели вылезать. Ты только побыстрей.

– Спи! – сказал муж и через сени вышел во двор.

– Приветствую, Матвей Егорович! – с улыбкой проговорил Никифоров.

– Нашел время. Чего притащился?

– Дело есть, сам знаешь, по своей воле не поехал бы. Пойдем в сад, там поговорим.

– погоди! – Губаров забрел в сортир, вышел оттуда и спросил: – Долгий разговор?

– Нет.

– Тогда говори тут.

– А жена не подслушает?

– Зинка-то? Не посмеет, да и боится она всего.

– Ладно. Тогда слушайте, господин Кучер.

Бывший начальник полиции быстро огляделся и прошепел:

– Ты с дуба рухнул? Никто не знает моей настоящей фамилии, даже Зинка. Я и сам уже начал ее забывать.

– А вот Клаус Линге, или Ефим Макарович Ревко, и его начальство все хорошо помнят. В общем, так. Торчать тут у тебя мне резона нет. Запомни, в понедельник в тринадцать десять тебе надо быть в парке ДК железнодорожников. Линге желает поговорить с тобой.

– О чем?

– Не знаю. Это не мое дело.

– Как же я в понедельник из колхоза-то уеду?

– Придумай что-нибудь. Это дела твои, но в назначенное время ты должен быть в парке. Недалеко от кафе есть аллея, увидишь там скамейки, сядешь на одну из них, где больше никого не будет. Да в понедельник в парке народу особо нет. В павильоне мужики пивком, водочкой угощаются, на аллее им делать нечего. К тебе подойдет Линге. Все понял?

Губаров вздохнул:

- Да, понял. Только как уехать отсюда в понедельник?
- Все, что нужно, я передал. Мне пора ехать.
- А где встал-то? Свет фар на улице Зинка увидела бы.
- Я без света, берегом.
- По грунтовке шел от Верховска?
- Да.
- Ясно.
- Давай, господин начальник полиции, не опаздывай.
- Да пошел ты!..
- Что и делаю. – Никифоров зашел в сад и исчез в нем.

Губаров почесал затылок и зашел в дом.

Зинаида сидела на кровати.

- Чего он приезжал?
- Дело есть. Выгодное. Надо человека одного до Москвы из Переслава на машине бросить. Но вот загвоздка, в понедельник ехать. А в начале недели у Манюхина самая запарка.

Глаза Зинаиды жадно блеснули:

- А хорошо мужик обещал заплатить?
- Полторы сотни, но можно сторговаться и на две.
- А что ему электричкой не уехать? Намного дешевле выйдет.
- Значит, так ему надо. Чего придумать, чтобы из села в Переслав рано утром понедельника выехать?

Жена неожиданно сказала:

- Повод-то найти просто. Мне вот что непонятно. Если этот мужик в Переславе брезгует электричкой, то неужто он не может нанять городскую машину и получше нашего «Запорожца»?

- Ладно, скажу, ты только никому, а то останешься одна на долгие годы.
- Я могила!
- В бегах мужик этот. В розыске. Ему светиться не то что на вокзале или в забегаловке, в такси нельзя. Да и в новых машинах. А «Запорожец» самое то. Эту рухлядь гаишники не осматривают. Чего взять с нищеврода?
- Почему с нищеврода?
- А кто еще купит подержанный «ЗАЗ»?
- Ну не скажи. Была я в Переславе, там много «Запорожцев».
- Да какая разница, мало, много? Что за повод можно придумать?
- Самый верный – меня отвезти в больницу.

Губаров посмотрел на жену:

- А ведь ты права. Все знают, что у тебя язва желудка. А тут вдруг худо стало, кровь ртом пошла, боль сильная. А специальная больница только в Переславе. Ты у меня молодец, Зинка. Вот что значит острый бабий ум.

– Да уж, мы можем такое сообразить, до чего мужикам не додуматься. В воскресенье вызовешь фельдшера. Девуку к нам прислали молодую, неопытную, болезнь налицо, выпишет направление. А председатель или тот же Манюхин не отпустить тебя не смогут. Потому как, случись что со мной, их по партийной линии так достанут, что они и должностей лишиться могут.

- Это так. Добро, значит, в воскресенье зову фельдшерицу.
- Ага! Только в Переславе не продешеви. Если мужик в розыске и ему срочно надо в Москву, то он любую деньги отвалит. Так что смело проси триста рублей. Нам с тобой за эти деньги два месяца в колхозе надо корячиться.

- Видно будет, сначала надо уехать. Постой, но ты же должна остаться.
- И чего? Дома отсижусь, никто не увидит, так что уедешь. Ты нужен, иначе дружок твой из Переслава ночью не приезжал бы.
- Тоже верно. Ладно, спим.
- Никифоров вернулся в город без приключений. На трассе вообще никого не было. В 2.10 он зашел домой, разделся и набрал номер городского телефона.
- После непродолжительной паузы ему ответил Ревко:
- Да, слушаю.
- Это я.
- Узнал. Вернулся? Как поездка?
- Докладываю. Проехал туда и обратно нормально, виделся с другом, передал все, что надо было.
- Как он отреагировал?
- Озабочился, сможет ли отпроситься в город в понедельник. А так не без удивления, конечно, но, в общем, нормально.
- Вас кто-нибудь видел?
- Обижаешь, начальник.
- Уверен?
- Сто процентов.
- И даже жена его?
- Она оставалась дома.
- Хорошо, отдыхай.
- Надеюсь, сегодня ты больше не побеспокоишь меня?
- Это уж как получится.
- В Верховск в воскресенье, 26 августа, начала заходить техника отдельной строительной роты. Пришел первый взвод.
- Яковлев, оповещенный об этом, тут же проехал к бывшей овощной базе. Исполком выделил ему старенький, но еще живой «ГАЗ-69». Немалую роль в этом благодеянии сыграла Зубкова.
- Яковлев оставил машину во Втором Речном переулке, прошел к объекту.
- У ворот его остановил солдат, вооруженный автоматом:
- Стой! Запретная зона. Назад!
- Спокойно, солдат, свои.
- Боец сбросил с плеча автомат.
- Свои все на территории. Стоять на месте, или стреляю!
- Подполковник КГБ улыбнулся и спросил:
- Так что мне делать-то, стоять или уйти?
- Теперь стоять. – Боец повернулся и крикнул: – Сержант, позови взводного. Тут посторонний тип интересуется объектом.
- Жди и не отпускай его.
- Вскоре подошел офицер, козырнул:
- Командир взвода отдельной военно-строительной роты старший лейтенант Лейко. Прошу предъявить документы.
- А просто уйти я не могу?
- Уйдете, как только выясним, зачем приходили.
- Да посмотреть.
- Больше в райцентре достопримечательностей нет? Документы!
- Хорошо. – Яковлев протянул старшему лейтенанту удостоверение.
- Взводный взглянул на него и тут же вытянулся:

– Извините, товарищ подполковник. Вам бы сразу караульному представиться, и он пропустил бы.

– Как я мог представиться, если он только команды отдавал? Впрочем, правильно делал. Солдат непонимающе смотрел на них.

– Это подполковник государственной безопасности, усек, Вова? И в следующий раз требуй документы сам, – сказал ему взводный.

– Есть, товарищ старший лейтенант!

– Оставь его, командир, он все верно сделал, – заявил Яковлев.

– А вы, значит, и есть тот старший офицер центрального аппарата КГБ, который назначен куратором секретного объекта?

– Да. Какую задачу имеешь, старлей?

Офицер четко доложил:

– Прибыть на территорию объекта, очистить ее от мусора на участке, что ближе к реке, и начать установку сборной казармы для роты. Организовать круглосуточную охрану объекта силами вооруженного патруля, подготовить место для стоянки техники. После чего доклад командиру роты майору Гришину по телефону из райкома партии, конкретно из приемной первого секретаря.

Яковлев кивнул:

– Да, все верно. Давно служишь?

– Седьмой год.

– А что все в старших лейтенантах?

– Так должность не позволяет. Но представление будет отправлено. У взводного «вилка» старший лейтенант – капитан. Капитана можно получить, если ротный – майор. Гришин получил это звание, теперь и мне должны присвоить капитана.

– Значит, опыт есть.

– Так точно!

– Как с дисциплиной в роте?

– На уровне. Наша рота на особом контроле, так как привлекается к работам на секретных объектах. Соответственно подбор солдат тщательный, отсюда и дисциплина.

– Ты знаешь, что здесь будет?

Старший лейтенант улыбнулся и ответил:

– Нет, товарищ подполковник, не знаю, да мне и не положено. Майор Гришин показывал мне проект объекта, возможно, хранилища для чего-то крупного. Но меня это не касается.

– А зовут тебя как?

– Анатолий.

– Что успеете сделать за сегодня, Толя?

Лейко уверенно ответил:

– Все, что определено задачей. Мне отбивать взвод надо будет уже в казарме.

– Кровати, стулья, тумбочки привезли?

– Этого нет, но есть спальные мешки. Кстати, командир роты говорил, что нас должны поставить на довольствие в отдельном мотострелковом полку. Вы не подскажете, как туда проехать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.